

неразрывной связи с укладом жизни семьи. Семейная обрядность представлена в работе как многофункциональная система, в которую входят разнообразные правовые, символические, магические и другие элементы.

Наиболее красочно представлен свадебный ритуал, который является также и наиболее сложным обрядовым комплексом. Большое внимание уделяется анализу символических, магических, игровых обрядовых действий. В главе прослеживается эволюция отдельных этапов свадебного ритуала: сватовства, заручин, девичника, каравайного обряда. В работе приводится материал, который говорит о том, что в белорусской свадебной обрядности некоторые древние по происхождению обряды сохранялись дольше, чем у соседних народов. Например, обряды, символизирующие переход молодых в новый статус: “посад невесты”, “посад жениха”.

Комплекс родинной обрядности представляют три цикла – дородовой, родовой и послеродовой. Подробно и интересно анализирует автор обрядовые действия, связанные с каждым из этих периодов. Так, в первых двух циклах обычаи и обряды были направлены на сохранение беременности, обеспечение благополучных родов. Обрядовые действия послеродового цикла связаны с принятием новорожденного в семейный и общественный коллективы. Они включали обычаи имянаречения ребенка, посещение роженицы и новорожденного, выбор кумовьев, празднование крещения, очищение ребенка, первое пострижение, первые шаги, появление первого зуба и др. (с. 308). Ценность главы заметно возрастает за счет удачного сочетания этнологических материалов с фольклорными.

Рассматривая эволюцию семейной обрядности, автор убедительно показывает, что изменения происходили главным образом за счет сокращения количества обрядов и их упрощения. Трансформация комплекса семейной обрядности в значительной степени была обусловлена изменениями в семье.

Рецензируемая монография относится к работам, раскрывающим в полном объеме особенности развития семьи. Широкий круг вопросов, освещенных в книге на основе документальных и полевых источников в сочетании с литературными сведениями, позволили авторам с успехом решить поставленную задачу. Книга представляет большой интерес для всех, кто интересуется культурным наследием белорусского народа, его традициями.

В то же время следует высказать и некоторые пожелания. Это касается прежде всего историографии. В такой фундаментальной монографии было бы уместно проанализировать работы, в которых раскрываются не только вопросы белорусской семьи, но и теоретические вопросы (например, работы О.А. Ганцкой, М.Н. Кашуба, А.Г. Харчева, З.А. Янковой). Было бы также важно остановиться на вопросах типологии семьи.

Р.А. Григорьева

© ЭО, 2004 г., № 1

Г.А. Комарова. Русский Бостон. М.: ИЭА РАН, 2002. 308 с.

В 1933 г. в Бостоне вышла книга “Миллион тоскующих по дому”. Автор – У. Чепин-Хантингтон – начал ее с характеристики “нации”, насчитывавшей “около миллиона человек”, но не упомянутой ни в атласах, ни в справочниках. У нее, сообщал он, “нет правительства... и парламента, однако у народа этого существуют все оттенки политической мысли – от монархизма до социализма... На каждые шесть мужчин у этой нации приходится один с высшим образованием... И таковы жажда знаний, интерес к мировой политике, что число выходящих там периодических изданий прямо-таки невообразимо”¹. Подзаголовок книги гласил: “Россия вне России”, и речь в ней шла в том числе и о североамериканской части российско-эмигрантского зарубежья тех лет.

За прошедшие с той поры три четверти века ситуация в мире значительно изменилась, и ныне именно в США – крупнейшая из русских диаспор в странах дальнего зарубежья. Сложилась она постепенно, в результате трех волн массовой иммиграции туда русских из Российской империи, советской России и СССР. Хронологически первая из этих иммигрантских волн условно охватила период с 90-х годов XIX в. до 1917 г.; вторая – от гражданской войны 1918–1922 гг. до 1944 г., третья – время после Второй мировой войны, когда был разрешен въезд в США “ди пи” – перемещенным лицам и другим “беженцам от коммунизма”, не желавшим по разным причинам репатриироваться на родину, до 1960-х годов. Исторические особенности каждого из этих периодов нашли отражение в социальном составе, политических взглядах и убеждениях, причинах исхода, а также в характере деятельности, степени активности этих иммигрантов и их потомков, особенностях процессов их адаптации и социокультурной интеграции с американским обществом.

Еще двадцать лет назад попытка издать у нас в стране исследование о жизни и судьбах “белоэмигрантов” либо “невозвращенцев” из американских, английских и французских лагерей для перемещенных лиц

после второй мировой войны была бы заведомо обречена на запрет. Лишь после горбачевской перестройки и отмены цензуры стали публиковаться статьи и книги о людях и культуре русского послереволюционного зарубежья. А вторая половина 1990-х годов в этом отношении отмечена подлинным бумом – появились десятки журнальных статей, сборники, публикации документов, коллективные и индивидуальные монографии о русском зарубежье 1920–1930-х годов в странах Европы и Азии.

Однако подавляющее большинство их было посвящено послереволюционной “белой” эмиграции, которую ныне неправомерно стали именовать “первой волной” русской эмиграции, хотя на самом деле первой ее волной была массовая эмиграция из Российской империи конца XIX – начала XX в. Игнорировать этот факт, отсекая дореволюционное русское зарубежье, на наш взгляд, по меньшей мере некорректно.

Кроме того, во многих из публикаций акцент делался на исследовании жизни, судеб и творчества выдающихся деятелей науки, техники, культуры и т.д. В какой-то мере на первом этапе исследований это закономерно, тем более, что послереволюционная волна российской эмиграции была самой “урожайной” на знаменитости. Но при таком подходе неизбежно оставались вне поля зрения история адаптации и жизни, характера деятельности и образа мыслей “низов” – десятков и сотен тысяч рядовых иммигрантов, которые, по существу, и означали понятие “российское / русское зарубежье”. Как выразился один из его представителей, “культура строилась не только бердяевыми, шалапинными, бунными, но и менее знаменитыми людьми, и их легче всего забыть”².

Что же касается жизни русских в Соединенных Штатах Америки, где осели представители всех трех волн массовой иммиграции в эту страну и сложилась в XX в. русская диаспора, то изучение ее становления и ее перспектив все еще ожидает своих исследователей.

Естественен поэтому интерес, вызванный у меня появлением книги Г.А. Комаровой. За девять месяцев пребывания в США, сообщает автор, “я... исколесила вдоль и поперек все те районы или... маленькие городки Большого Бостона, на улицах которых постоянно слышится русская речь... Побывала в десятках семей... Участвовала в переписи иммигрантов в рамках переписи населения США 2000 года... Наблюдала русских бостонцев на рабочих местах и дома..., на студенческой скамье и в школе... А главное, общалась с людьми, расспрашивала и слушала, слушала, слушала их”. А 120 «русских» бостонцев согласились ответить на мою анкету». И далее: “Собранные мною научные материалы (результаты обследования, десятки углубленных интервью, статистические данные, архивные, литературные, фото- и аудиоматериалы и т.п.) требуют глубокого исследования. Но это – дело будущего... Это материалы для научного анализа и обсуждения с коллегами” (с. 29–30, 33). Книга Г.А. Комаровой пока, действительно, не имеет ни заключения, ни выводов.

Иначе говоря, какую-то часть собранного материала, разделенного на двадцать сопровождаемых комментариями главок, автор все же решила почти в первозданном виде представить суду читателей. “Было бы жаль, получив из всего увиденного и услышанного только “сухой остаток”, состоящий из цифр, таблиц, графиков, выводов и т.п., – объясняет она свое решение, – выплеснуть прочь богатство и многоцветие полученной картины, роскоши общения, искренности интонаций, разнообразие и неповторимость человеческих судеб, каждая из которых заслуживает отдельного рассказа” (с. 33).

Прочитав “Русский Бостон”, я должен был согласиться с Г.А. Комаровой. К числу несомненных достоинств ее произведения относятся: хорошо продуманная архитектоника книги, удачно, на мой взгляд, использованный журналистский прием названия и сопровождения каждой главы соответствующими ее тематике фрагментами произведений Сергея Довлатова, а также живой, образный литературный язык самого автора и тональность изложения материала. Книга состоит из небольших вводных разделов – “Вместо пролога”, “Русский Бостон”, “Историческая справка” и двух основных частей: первой, под названием “С.Д. [Сергей Довлатов] как-то раз заметил...”, включающей представленный читателю “полевой материал” – ответы русскоязычных бостонцев на заданные им вопросы; и второй, под названием “Миниамерикана”, включающей комментарии автора к тексту каждой из глав первой части.

Свыше 300 опубликованных в первой части книги обстоятельных ответов десятков русскоязычных бостонцев, отвечавших на вопросы о самых различных аспектах их жизни в Америке, действительно, дают яркое представление о “богатстве и многоцветии” полевого материала, собранного Г.А. Комаровой.

Что же касается вводной части (где слово “русский” употребляется как без кавычек, так и с ними), то уже в самом начале ее автор сообщает, что “на улицах Бостона... обнаружила Советский Союз в миниатюре: татарин из Челябинска, таджичка из Горного Бадахшана, армяне из Москвы, грузины из Риги, греки из Сухуми, корейцы из Казахстана, белорусы из Кишинева, русские, евреи, украинцы... Русскоязычные эмигранты. Русская община. Русскоязычный Бостон” (подчеркнуто мной. – Э.Н.). Завершая этими словами раздел “Вместо пролога” (с. 27), автор полагает, что их вполне достаточно, чтобы как-то снять или хотя бы затушевать явное формальное противоречие между названием книги и ее содержанием, свидетельствующим о фактическом этническом составе современного иммигрантского русскоязычного населения Бостона. Думается, однако, что даже для самого “покладистого” русского читателя это необхо-

димо сделать более убедительно, ибо если в английском языке “Russian” значит как “русский”, так и “россиянин”, то в русском языке это два разных понятия.

Неубедительной в вводной части мне показалась и попытка на примере иммигрантских общин опровергнуть «общезвестный постулат... “Америка – огромный плавильный котел наций”» (с. 31–32). Во-первых, потому, что этот родившийся в 1908 г. с легкой руки автора пьесы “Плавильный котел” И. Зангвилла и отнюдь не оказавшийся абсолютной истиной “постулат” никогда не включал слова “нация”, ибо в английском языке оно означает не национальность (индикатор этнической принадлежности), как в русском, а государство, страну и ее народ³. И во-вторых, потому, что иммигранты и их общины – это ведь не конечный продукт работы американского “плавильного котла”, а лишь “сырье” для него. И только результатом длительного процесса “плавки” в нем иммигрантов и двух–трех поколений их потомков станет тот конечный продукт, тот “сплав”, который называют американцами. Поэтому образ жизни *иммигрантских* общин – не лучший довод, избранный для опровержения концепции “американского тигля”. И в этой связи недоумение вызывает авторская сентенция о недавнем русскоязычном иммигранте в Бостоне: “Легко ли ему быть американцем, русским американцем” (с. 34–35). Ведь как этнограф автор понимает, что “русским американцем” в реальности станет в лучшем случае лишь сын, а то и внук, а “американцем” – правнук, а то и праправнук иммигранта.

И в этой же связи не могу не заметить, что, рассуждая в предисловии о “проблематике диаспоры, т.е. нового российского зарубежья” (с. 12–13), автору не следует оперировать доводами из опыта российского зарубежья в США (конкретно, на Брайтон Бич), ибо пути образования таких диаспор в СНГ и США совершенно различны.

Ряд фактических огрехов оказался в разделе “Историческая справка”. Так, в ней сообщается, что “сразу (? – Э.Н.) после убийства царя Александра Второго в 1881 г. ...почти пятая часть еврейского населения России, около 1 млн. человек, покинула страну. 30 мая 1882 г. первая группа российских иммигрантов достигла берегов Америки” (с. 36). На самом же деле “первые группы российских иммигрантов”, но не евреев, а немцев, в том числе меннонитов, прибывали на эти берега еще при Александре II в 1870-х годах. А число российских евреев, иммигрировавших в США, даже через 20 лет – в 1900 г. – не превышало 0,6 млн. чел.

Ошибочно утверждение, что “после 1924 г. ...США перестали принимать иммигрантов из СССР”. На самом деле по закону Джонсона-Рида 1924 г. там ввели квоты, резко ограничившие число допускаемых в Соединенные Штаты иммигрантов из стран Восточной Европы и в том числе из СССР (менее 3 тыс. в год). Неверно также, что “второй волной русской иммиграции в Америку” стало переселение туда в середине XX в. так называемых перемещенных лиц из числа бывших советских граждан, оказавшихся в оккупационных зонах США, Великобритании, Франции в Германии и Австрии. На самом деле ее второй волной была “белая иммиграция” из России с 1918–1922 гг. до 1944 г. Вообще с “нумерацией” волн эмиграции из Российской империи, советской России, СССР и волн массовой русской / российской иммиграции в США (а это разные вещи) в книге царит неразбериха. Разумеется, у С. Довлатова и разных респондентов по поводу “нумерации” и о характере волн были свои мнения. Но пока в этом вопросе не определится сам автор, будут путаться в нем и читатели (см. с. 36–37, 51, 60, 68, 73–74, 75, 77, 96, 159).

“Мини-американка” – более 70, причем подчас весьма обстоятельных авторских комментариев – также содержит интересный для читателя познавательный фактический, справочный и статистический материал. Однако и здесь не обошлось без отдельных мелких огрехов (с. 165, 178, 183, 193, 195).

К сожалению тираж книги “Русский Бостон” – всего 250 экз., причем почти треть ее объема (с. 207–307) занимают Приложения: № 1. Закон “О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом” и № 2. “Диаспоральная доктрина России (Проект)”. Самому же “Русскому Бостону” в книге отведена, по-видимому, вспомогательная роль своего рода “наживки”, которая бы побудила большинство депутатов Государственной думы РФ, заинтересовавшись им, заодно ознакомиться с проектом Диаспоральной доктрины России, подготовленным Центром по изучению межнациональных отношений ИЭА РАН. Между тем доработанное, главным образом во вводной части, произведение Г.А. Комаровой, на мой взгляд, вызовет интерес у гораздо более широкого круга читателей и заслуживает отдельного (без приложений) издания более крупным тиражом.

Примечания

¹ Chapin-Huntington W. The Homesick Million. Russia-out-of-Russia. Boston, 1933. P. 1.

² Озерецковский Г. “Россия малая”. Русский блистательный Париж (1925–1939). Париж, 1973. С. 8.

³ См., например: Kennedy J.F.A. Nation of Immigrants. N.Y., 1964.